

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

W 249
690

РЕКИ

ОГНЕННЫЕ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1924

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

249
696

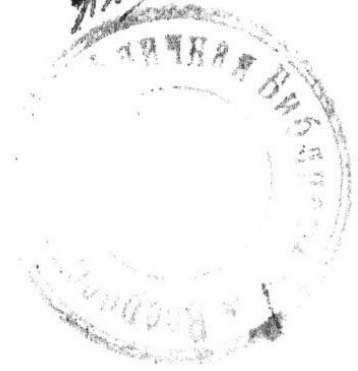
РЕКИ ОГНЕННЫЕ

ЗЫБЬ

38-2901 1/2

~~XXIV - 47062~~
~~XXIII - 47062~~

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1924 ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии
изд. „Молодая Гвардия“
Ленинград, В. О., 5-я лин., 28,
в количестве 5000 экзempl.
Ленинградский Гублит № 12610

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пролетарская революция с первых дней властно поставила вопрос:
Кто с кем?

И русские моряки, в огромном большинстве, решительно и без-
оговорочно встали в передовые ряды борющегося пролетариата.

В Красной Гвардии наиболее выдержанное и боевое ядро состав-
ляли фабричные рабочие, углекопы Донбаса и моряки. Они били
Корнилова, Дутова, гайдамаков, Марусю, чехов. С революционным
пылом и неистощимой верой в торжество своего дела они насаждали
первые советы и ревкомы по окраинам нашей необъятной страны.

Кто не знает мужества и львиной отваги старых моряков? В чьей
памяти не свежи бесчисленные подвиги безыменных героев? Тогда
борьба была ясна и понятна всем. С одной стороны псы старого мира
и с другой—все, в ком билось пролетарское сердце.

Эту решимость и непреклонность борьбы Артем Веселый сумел
дать в необычайно сжатой и яркой форме:

„Гайдамака в штыки

Буржуй, душа с тебя вон

Петлюру в петлю

На Оренбург бурей

Урал на ура

Ураган на рога

Дворцы на ветер“.

Но отгремели боевые грозы, и революция выдвигает задачи мирного строительства. Наиболее сознательная часть бойцов, сменив винтовку на лопату, кирку и молот, с головой уходит в эту работу. Другие, не поняв новых требований революции, остаются неудовлетворенными. Отчасти эти причины породили Кронштадтский мятеж. Эти же причины заставляют старых моряков Ваньку Грамофона и Мишку Крокодила уйти в бандитскую шайку, заняться спекуляцией и проч.

Позднее они возвращаются во флот и здесь сталкиваются, с одной стороны, со своими старыми товарищами, которые в невероятно трудных условиях с пылом и любовью заняты восстановлением флота, с другой стороны — с молодыми моряками-комсомольцами.

Художественно вполне оправдано, что Мишка с Ванькой даны более ярко, чем комсомольцы. За первыми огромное прошлое, комсомольцы же только еще выступают на дорогу революционного строительства, и немногие, но яркие картины быта и учебы рисуют их с лучшей стороны и являются верным залогом того, что со временем из них выработаются „коневые морячки“ с революционным закалом.

„Реки огненные“, напечатанные впервые в журнале „Молодая Гвардия“ — были первой вещью, которая захватила самые широкие слои низового Комсомола. Яркий, хлесткий язык, близость и широта темы — послужили причиной тому.

В настоящем издании „Реки огненные“ значительно переделаны автором и увеличены вдвое.

М. Силы.

С ЧЕГО ТАКОЕ НАЧАЛОСЬ

ВАНЬКА ГРАМОФОН да МИШКА КРОКОДИЛ такие-то ли дружки — палкой не разгонишь. С памятного семнадцатого годочка из крейсера вывалились. Всю гражданскую войну на море ни глазом. По сухой пути плавали. Шалались по свету белу. Удадь мыкали. За длинными рублями гонялись. Ни ребята — угар. Раскаленную майским солнцем теплушку лихорадка бьет. Мишка с Ванькой, ровно грешники перед адом, трясутся последний перегон. Жадно тянуться к люку

Хоть глянуть.

Далеко: глазом не

докинешь...

На дружках от всей военморской робы одне клеши остались: обхлестанные, шириною в поповские рукава. Да это и ни беда. Ваньку с Мишкой хоть в рясы одень, а по размашистым ухваткам да увесистой сочной ругани сразу флотских признаешь. Отличительные ребятки. Нахрапистые, сноровистые, до всякого дела цепкие да дружные. Нащёт разных там эксов, шамовки, али какой ни на есть спекуляции Мишка с Ванькой первые хваты. С руками оторвут — свое выдерут. Ну, а накатит веселая минутка, и чужое для смеху прихватят. Чорт с ними не связы-

вайся: распотрошат и шкуру на базар. Даешь берешь денежки и клещь и каргал За косогором море широко взмахнуло сверкающим солнечным крылом. Ванька по пояс высунулся из люка и радостно заржал

Го го го го о о о... Сучья ноздря.

Даешь море!

Мишка покосился на друга

И глотка же у тебя, чудило... Гырмафон и гырмафон, истинный господь. Заржешь, быдто громом фыркнешь в деревнях на сто верст кругом мужики крестятся...

В груди теплым плеском заиграла радость. Пять годков в морюшке ни полоскались—стосковались люто. Ветровыми немерянными дорогами умчалась шальная молодость, и пьяные, спотыкающиеся радости. Ванька влип в отдушину люка: в двое рук ни оторвешь. Глаза по морю в запуски. Думка дымком в бывье. Мрачные, как дьяволы, мешочники валялись по нарам. За долгую дорогу наслушались всячины. Завидовали житышку моряцкому

От ты и знай: кто живет, а кто поживает...

Фарт ни блоха—в гашнике не поймашь...

Кому счастье, а кому счастьеце...

Теплушка замоталась на стрелках. Дружки торопливо усаживали на загорбки обезьянок. Во все сердце гудели:

Чуешь сгольго версдужек отсдугали?

Машина чедыре колеса.

Пригрохали

Клево.

МАМЕНЬКА, СЕРДЦЕ БОЛИТ

С вокзала неторопливо по знакомым ульцам. Разглядывали дома и редкие заборы. Попридерживали шаг у зеркальных окон обжорных магазинов: слюна вожжей. В полный голос мечтательно ругались

Ни оно.

Какой разговор: все поборол капитал.

Наша стара слобода была в тушу раз лучше ихой новой политики...

Была слобода—осталась одна горька неволя.

Маменька, сердце болит...

Давить их всех подряд.

Взгрустнулось о семнадцатом - восемнадцатом годочке: очень подходящим для таких делов. Грабнул раза и отыгрался. Месяц живи, в карман не заглядывай. Э-ээх говорено-говорено, да и брошено. Мотнулись в порт

Чур, ни хлопать. Ногой на суденышко—кока за свисток, лапой в котел...

Ну—ну.

Охолостим бачка два, штоб пузяко трещало.

Слюной исте-

кешь ждамши-го.

Бухту заметают гул. Сопя и фыркающая ползают буксиры. Снуют юркие ялики. На пристанях и округ лавченков люде вьется, ровно рябь над отмелью. Корпуса морских казарм черепахами уползли на гору: развалились на солнце—греются. Полуденную знойную тишину разстреливают судовые гудки. Ванька харкнул на кружевной зонтик дамы, плывущей впереди. Коротко проржал, будто пролаял, и повернулся облупленно—рожий к корешку

Монета е?

Ма

И карманы выворотил, разбрыливая махру. Да откуда и быть деньгам, ежели еще вчера...

Хха!

Ххы!

Вот дело, сучий потрох.
Умрешь — гроб не на што купить...
Заслужили алтын да копу да...

В три

спаса, в кровину, в утробу мать.
Призадержались у лавченки. Чего один, то и другой.
Одного направления ребятки
Дернем?

Дернем.

Майна брашпиль?

Майна.

Ха!

Хо!

Мырнули под крыло двери. За мраморным столиком мирно беседовали. Жадно уминали окаменелую колбасу. Прихлебывали ледяное пиво. Гадали, какая сольется.

Ходили ходили—добра не выходили.
Опять не миновать какому-нибудь товарищу в зубы заглядывать.

Ножик

вострый.

Нашинску братву пораскидали всю. И во все-то щели кобылка понабилась. А кобылка народ невзыскательный—што в зубы, за то и спасибо...

Хха, Вань, щека лопнет.

Ггы!

Намял Ванька полон рот колбасы и глаза выкатил. Грохнул комлястым кулаком по столу. Промычал:

Омманем... Не кручинься елова — голова. Омманем.

Главный козырь — на суденышко грохнуться.

Первое дело. А в случай чего, и блатных пошукать можно.

По хазам мазать? Почему ни так? И по хазам можно и не сторушку где сковырнем.

Не хитро, а прибыльно.

Не пыльно и мухи не кусают...

В гавани динь-дянь: четыре склянки. Братки заторопились. За шапки. За мешки. ХОЗЯИН щетами трях—щелк:

Колбасы пять фунтов...

Мишка засмеялся. Ванька засмеялся.

Ни подщитывай старик, все равно ни заплатим.

За мной ни пропадет заявляю официально...

—примиряюще докинул Ванька и разсовал по карманам куски недоеденного сыра. (От колбасы и шкурок ни осталось). У хозяина и уши обвисли

Товарищи яя...

Покатились задрезбжали счеты по полу. Мишка подшагнул к хозяину и надвинул ему плюсовый картуз на нос

Старик, ты нам денег взаймы ни дашь?
А?

Черный рот захлебывается в хлипе, в бормоте. Ванька вмиг сообразил всю выгодность дела. Ухватился за ввернутое в пол кольцо: понапружился и распахнул тяжелую западную подпола

Живо.

Ну.

Хри хри Христос...

Старика пиньком в брюхо, в подпол. Западня чвак
Есть на-лево,

Фасонно.

Деловито обшарили полки, прилавок. Выгребли из конторки пачки денжат. Сновали проворнее, чем по палубе в аврал

Стремь, Ваньчо.

Шемоняй.

Мишка в клеенчатую дверь. В нос ударила вонь лампадного масла, дельфинья погань. Ванька из лавки вон. У дверей присел на тумбу. Задымил трубкой. Равнодушно поглядывал по сторонам. К лавке покупательница—холодная старушка. Ванька поперек

Торговли нет. Приходи завтра.

Сыно-

чек батюшка...

Торговли нет — учет товаров. Мне кирасинцу бутылочку.

Уйди.

И чево ты, пес цепной, рычишь?..

Матрос разсердился и угарно матюкнулся. Старуха подобрала юбки и крестясь и отплевываясь отвалила. Мишка из лавки. От уха до уха улыбка заревом. Под полой банка конфет

Сидишь говоришь? Ни стремно?

Ни

чуть. Пошли?

Пошли — ни ночевать тут.

Клей...

Неподалеку на углу, подперев горбом забор, позевывает мордастый ПЕС. В усах. В картузе казенном. И пушка до коленки свисла. Подкатились к нему. Из озорства заплели вежливый разговор

Землячок, скажи, будь добер, в каком квартале проживает крейсер Орел?

До зарезу надо. Ищем-ищем, с ног сбились...

Щурится пес на солнышко. Судорожным собачьим воем вздвоил позевку. Прикрыл пасть рукавом и оттолкнулся

Ни слышал — должно ни в нашем раене...

Угостили дядю конфетами. Пощупали у него бляху на груди

Капусту разводишь, красавец?

Да не

здешний-ли ты?

Польщенный таким вниманием красавец откачнулся от забора: чихнул, высморкался в клетчатый платок и окончательно проснулся. Даже усы начал подхорашивать

Мы дальни—Ирославки. А зовут меня ФОМОЙ. Фома Денисыч Лукоянов...

Ванька дружески хлопнул его по широкой лошадиной спине

И куфарка у тебя е?

Есть небольшая...

—виновато ухмыльнулся Фома, но сейчас-же подтянул пушку и строго кашлянул. А матрос бесом-бесом

Дурбило. Зачем-же небольшая? Ты большую заведи: белую да мяхкую—со здобом.

На свадьбу гулять придем.

Прощай.

Прощевайте, братишки...

По берегу полный ход

По дурочке слилось.

Ха ха!

Хо хо!...

Конфеты в карманы. Банку об тумбу.

3

ПАРНИ С ДОБРОМ

С утра бушевал штормяга. К вечеру штормяга гас. С дымной дали, играя мускулами гребней, лениво катят за-поздалые волны и усталыми крыльями бьются в мол. Молкнет гул. Зачарованный ветровыми просторами, на

горе дремлет город в заплатках черепиц и садов, по-
жий на бродягу Пройди-Свет. В Ваньке сердце стукнуло.
В Мишке сердце стукнуло. В-раз стукнули сердца.

Вот он... Родной.

Вира брашпиль

Обрадовались будто находке кораблю своему:

Кованый

Стройный

Затянутый в оснастку

Сила

Ни корабль—

игрушка: хоть в ухо вздень.

Топают по жидким деревянным мосткам. Топают, угова-
риваются.

Бухай да не рюхай.

Ни бойсь: море

ни со жгем...

Распросы допросы. Как
да што? Партейные-ли вы коммуни-
сты? Лей в одно: так и так, мол,
оно хошь и не гармонисты, а все-
таки парни с добром. Нефть и уголь
и золотые горы завоевали, сочу-
ствуем хозяйственной разрухе и так
далее.

Ни подморозим — сверетеним.
Бултыхнем. Служим за робу.

Для них

ни жалко последне из штанов вы-
тряхнуть...

Замусоренная бухта круто дышит перегаром угля, ржа-
вым железом и сливками нефти. Оплывает синью вечер.
Кровью затекает закатное око. Качелится море в бордо-
вых темно-малиновых парусах.

У трапа ВОЛЧОК

Шапка матросская

Под шапкой хряш

Ряжка безусая

Лош

Прыщ

Стручек зеленый.

Вам куда, товарищи?

Как куда —

упер Мишка руки в боки—имеешь-ли
данные нас допрашивать?... То-есть
я хотел...

Козонок.

Залупа.

И Ванька шутя попытался вырвать у парня винтовку.
Тот зашипел, как гусь перед сабаками. Вскинул наизго-
товку и чуть испуганно

Чео надо

Братки в рев:

Ах ты лярва.

Мосол. Моряк, смолено
брюхо. Давно ли из лаптей-то выва-
лился.

На! Бей! Коли!..

И давай—давай гамить. От их ругани гляди—гляди мачты
повалятся, трубы полопаются. Завопил волчок.

Ваааахтеный... Товарищ ваааа

Лихо:

Есть

Подлетел. ВАХНАЧ. Такой же сморчок. Из под шапки
чуть знать. Клешь ему хоть под горлом застегивай. На
шее свистулька, цепочка медная. Корттик по пяткам
бьет

Кто тут авралит? Ваши документы?
Почему такое? Штык в горло: имеет
ли данные?...

Трое в бодманской каюте. Сам старик ФЕДОТЫЧ и
ЗАКРОЕВ с ИГНАТОВЫМ — юники, выученики машин-
ной школы. На деловую минутку завернули да и за-
стряли: любят старика—ласковее кутенка сердце в ем.
Бойкими гляделами по стенам, по цветным картинкам.

Товарищ боцман, а это что за музыка?

Гоняет иголку Федочч—бельишко латает: зуд в руках, без дела минутки не посидит. Укачивается в зыбке воспоминаний:

Это, хлопцы, английский город Кулькута. В Индии помещается. Город ничего великолепный. Жалко, сляпан на деревенску колодку: домов больших мало

Оба два:

И чего торчим тут? Сорваться-бы поскорее в дальнее...

Раскажите, Лука Федочч, что-нибудь из своих впечатлений.

Обметан был ем старик легок

Впечатленьями заниматься нам было не время... Неделю—две трепет трепет бывало в море—могиинила! Бьет и качает—тебя море, как ветер птицу... Нуш дорвесса до сухой пути—пляши нога, маши рука... Гггуляй! Мокни, сердечушко, мокни в веселом весельице!.. Раздрайка — раздрайка. Бабы-бабы...

Оба в думе, ровно в горячей пыли

Эх-ба...

А волны там большие бьют?..

Работу в сторону. Плечо развернул. Кремнистым глазом чиркнул по молодым лицам, перемазанным олеонафтом и жирной копотью

Дурни...

Помолчал... Строго и торжественно поднял руку

О ки ян...

Обмяк старый боцман:

Местечки там есть—глыбина тыща верст. Можа и боль-

ше. Убедительно сказать не могу: сам ни мерил, знающие люди сказывали. Одно слово: о ки ян

Молодые языки розсыпью смеха. Молодые языки бойко

Ого

Эге

Новые страны, народы... Интересно: комсомол у них есть?

Укого у них?

Ну, на островах у дикарей...

Понятно

есть. Тянет ветер от нас, ну и там волну разводит...

Старик свое. Старик разохотился:

А бабы у них?... Прямо надо сказать — проблинатические бабы... За милу душу уважат. Так уважат—чуть уползешь. В наших некультурных краях ноги на-нет стопчешь, а таких баб не сыщешь. И год пройдет и два пройдет, и пять годов пройдут, а она тебе, стерва, все медовым пряником рыгается...

От хорошей зависти зачесался Закроев, ровно его блохи закусали. Сосунок. Волос густой—огневой отлив: метелка проса спелого. По дубленому лицу сизый налет. В синющих глазах полынь сизоперая. Казенными щами, знойным загаром и полынью с Закроева. Наслушался всячины—в груди защемило: разгорился парень. Отхлябил мягкий рот:

Хренова наша службишка: шамовка ни-куды. Воли мало. Сиди, как на цепи прикованный. Хоть в петлю, так в пору, растуды ее суды... Хуже каторги.

А Игнатов сердится. Махом ходят желваки. Голодное лицо пеплом подернуло. Под его взглядом товарищ заерзал и умолк. Старик на растопыренных клешнях разглядывает латки. Выворачивает подсиненные голодовкой губы

Ни вешай, моряк, голову, ни печаль
хозяина

Да мы ничего...

Разве-ж не
понимаем — разруха... Ни хрена ни
попишешь: разруха во всероссийском
масштабе.

А про берег думать за-
будь. Об вазнобах, об свате, об бра-
те, об матери родной забудь. К ко-
раблю льни. Его—батюшку холь...
Так-то, братушки-ребятушки, дожи-
вете и вы все переглядите—перешу-
пате. А пока вникай и терпи. Служба,
молодцы, ремесло сурьезное. Где и
так-ли ни так-ли: молчок... И навер-
нется горька солдатска слеза—в ку-
лак ее да об штанину: только всего
и разговору. Дисциплинка у вас
форменная, это верно. Да и то ска-
зать — для вашей-же она пользы:
жир лишний выжмет, силой на льет.

Игнатов сказал, ровно гвоздь в стенку вогнал.
Дисциплина нам нет ни што. С ма-
лых лет привычны—мы заводские.

И советские
начальники ваши деликатное обра-
щение уважают. Чуть што счас за
ручку с вами, в приятные разговоры
пустятся, выкают. С матросом и
вдруг за ручку—это дорогово стоит...
Эх, комунята вы, комунята, ежли-б
знали, сколько мы старики бою вы-
несли?..

И мы Федочч не из роб-
ких... И мы мяты-терты: на всех фрон-
тах полыскались.

Ну мы-ста да мы,
лежащей корове на хвост наступили—

герои подумаешь... Говорено слу-
шайте, жевано глотайте.

Вари го-
вори.

Послушать интересно.

Да, так вот
еще на памяти, дай бог не забыть,
в ту Кулькуту — в Индейску землю
довелось мне плавать с капитаном
Кречетовым. Ох, и лют-же был
пес, ни тем будь помянут, беды... В
те поры я еще марсовым летал. В
работах лихой был матрос, а вот по-
ди-ж ты, приключилось со мно раз
событие: ни успел с одного подчерку
марсафал отдать... Подозвал меня
Кречетов и одним ударом подлец
четыре зуба выбил... Строгий был
капитан, царство небесное... А то
еще помню...

В дверь стук! В дверь вахнач:

Лука Федочч, на палубе безобразие.
Лепортуй.

Так и так.

Ежли пьяны—
гнать их поганым помелом...

Ни как
ни уходят—вас требуют.

Меня? Кто-бы

такея?

Потопали. Свадьба галочья вроде. Мишка — Ванька в
обиде:

Штык в горло.

Собачья отравла!.. Чырна-
цать раз ранен!

И прочее такое. Боцман баки огненные взбил. Неторопко
грудью вперед

В каком смысле кричите?
Ванька зародовался:

Федочч! Родной!..
И старик узнал их. Заулыбался ровно сынам родным.
Почеломкались полюбя

Баа... Вантяй. Бурилин...

Жив Федочч?
А мы думали сдох давно. Какем ветром вынесло? Ждал ждал, все жданки поел...

Волчок с недовольным видом отшагнул, пропуская горластых гостей.

4

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

В каюте обрадованный Федотыч с гостями. Помолодели ноги и язык помолодел. Игрив язык как ветруга морской. Легкой танцующей походкой старого моряка в припрыжку туда-сюда. Выбрасывает на-кон все что нашлось в запасе. Ни пожалел и японского коньяку бутылочку заветную: сдавна хранилась в походной кованой шкатулке

Раздевайтесь гостечки желанные, раздевайтесь—милости просим...

Дружки стаскивают рванину

Станови на радостя пьянки ведро...

Скри-

пишь говоришь? Аа?..

Стол закусками тралит боцман, забутыливает стол.

Скриплю по малу. Раньше царю, теперь комуне служить довелось. Чего ты станешь будешь делать?.. Живешь, землю топчешь—ну, знач, и служи. Давненько ни залетывали соколики, давненько.

Ни вдруг.

Сквозь продралась...

Подсаживайтесь, братухи, клюйте: корабли по суху ни плавают...

Ваньку с Мишкой ровно ветром качнуло:

Нюхнем, нюхнем, почему ни так.

Пять годков можно сказать.

Вспрыснем свиданьеце

Искрятся стаканчики граненые. Вываливаются языки пересохшие: ну, давай...

Ху ху! Всегда у тебя Лука Федочч, была жадность к вину, так она и осталась: и нет ничего в бутылке, а все трясешь—еще капля ни грохнет-ли...

И капле пропадать незачем. Ну, годки, держите. Бывайте здоровы. Дай вам бог лебединого веку: ишо может, вместе послужить придется...

Чокнулись. Уркнули. Крякнули. Смешно, понятно,—по стаканчику. Тут ковшем хлестать в самый раз. Пока ладно. Хлебали кофе.

Где были, соколы?

Ты спроси, где мы не были.

Пиры пировали, дуван дуванили...

Кофей в кружки. Старик в шепот:

На Троицу подъявлялся тут Колька Галченок. По пьянке ухал, што вы с Махно ударяли?

Боже упаси.

Огонь в

кулак, вонь по ветру...

Наверху языкнули две склянки. Невдалеке суденьшко бодро от'эхнулось: динь-нь ом... диньнь-ом... И еще бойким градом в лоток бухты зернисто посыпались диньбомы. По палубе топоток—стукоток: команда на справку:

Безсонов?

Есть!

Лимасов?

Есть!
Кудряшов?
Есть!
Закроев?
Есть!
Яблочкин?
Есть!

Есть! Есть! Есть! Есть...

В деревянном мыке мусолится Интернационал, неизбежный как смерть, изо дня в день, и утром и вечером—в счет молитвы. Тягуч мык-кулага аа аа а оо... И:

Шапки на-деть! По своим местам
бе-е-гм!

В парусиновую подвесную койку укладывается корабль спать. Спать. В Ваньке сердце стукнуло. В Мишке сердце стукнуло. В—раз стукнули мерзлые, отошальные сердца: кораблюха..

Распиши, старик, как живете? Чем дышите?

Живем весело—скучать недосуг.

И подмоченный коньяком старик по-малу раскачался. Вываливал вчерашнее нонешнее... Осыпал слова, ровно черепками брякал. Гармонью морщился

Работа: одна отрада, одна потеха. А так ни на што ни глядел бы: назола, ни жись... Моряков старых всего ничего остается, как вихорем пораскидало. На отор рвут: все загребают в свои лапы эти камсамалисты—крупя...

Взгалдели:

Ботай, чудило. Как-же без нас-то..?

Мы в

гвозде шляпка... Старый моряк сроду...

То-то и оно: шляпки ноне не в почете.

Охнули, ххакнули, задермушились

Тузы, шестерки, винновы козыри.

Мы

девятый вал... Мы сучий рот завсегда...

Мах рукой просмоленной, обугленной в солнышке:

Девятый? А то идет десятый вал...

Полундра! Все накроет, все захлестнет — партийная сила, она зубаста.

Эдакого на-
городишь...

Силы вагон—еще повоюем!..

Крышка, соколы, о прежнем времячке думать забудь: нонче куда ни повернись—в ячейку угодишь али в кружок... И мне старому дураку кольцо в губу да в тарарам студию—чуть отыгрался. Ты, говорят, товарищ боцман, будешь вроде купца. Тьфу... Мне-ли в такие дела на старости лет?

Ха ха ха... Зашел, Федочч—
Дела делишки.

Бывалошно - то времячко, любому сопляку припаял-бы я неочередной наряд в галюн с рассеиванием, а теперь атанде, шалишь. Как, да што! Да на каком основании... Вахтеный вызовет какого-нибудь салагу, тот и начнет бубнить: почему меня, а ни другого? Это ни так, да это ни эдак... Башку оторвать мало за такие разговорчики.

Расстурись-ка огоньку бутылку-другую, сосет... Денежки у нас е, денежек наработали. Во вкус вошли... К фельшеру разя сунутся?..

Крой. Денежки запла-

тим.

Горели сердца, чадили. Бутылкой ни зальешь. В море ни утопишь. Куды тут. Широки сердца моряцкие, как баржи. Убежал старик.

Хха!

Ххы!

Во, как наши-то вырываются...

Эдак.

Федочч с бутылками. В стаканы разливал по-русски: всклень, через края расплескивал. Рассказывал про дни и недели, на которы ровно на крутую лестницу карапались.

Осталась тут после белых лодка с дыркой да челнок без дна... И наш корабушка по уши в воде торчал: котлы порваны, арматура снята, ржавчины на вершок, травой все проросло. Стук приказ: товарищи, возстановить. — Есть. — Какой разговор? — Есть, и отдирай. Взялись. Давай—давай. С чего взяться? Струменту нет. Матерьялу нет. Денег нет. Хлеба мамалыжного полфунта на день... В трюмах вода. В рулевом вода. В кочегарке вода. Клапаны порваны, отсеки, разведены-ну, разруха во всех смыслах... Качать воду то надо. А как ее будешь качать, ежели турбины застопали? Удалые долго ни думают: давай в ручную мотать — пердячим паром. Гнали-гнали, гнали-гнали: глаза на лоб лезут. — Стой конвой. — Приходим ватагой до начальника-комиссара. — Паек? — Паек. — Нет пайка, товарищи. — Разруха, голод, красный ремонт сознательный, и так далее... Вот, говорит, вам махры по две осьмушки на рыло, а больше ни чего сделать ни могу. Скоро пришлют из центры камсалистов на подмогу, а больше ни чего сделать ни могу. — Закурили мы той самой махры, утерлись да и пошли...

Мишка с Ванькой слушают тяжело. Тяжело рыгают, уперев глаза в пол. Федотыч бегают по каюте, вяжет слова в узлы:

Рази-ж когда вырывалось из моряцких рук хоть одно дело?.. Никогда сроду. По щепочке склеили, по винтику снесли... Завод-жа опять помог, шибко помог. Камса поддержала: ребяташки, а старались—цепки до дела прокляты. Так вот из ничего и сгрохали мы кораблюшку.

Ты што-ж, за лычком тянешься?

Хха!

Лычка мне ни к чему, издыхать пора и совсем тут не в лычке звук. Подмокли, разсолодели. В руготне полоскались Утятя?

Крупа говоришь?

Прямо сказать—пистоны. Ни какого к тебе уваженья... Мы, гыт, прындыпыяльно и категорически—ни подойди... Заглянул счас на полубак — забит. Кричат, ровно на пожаре. День в работе на ногах, ночью глядишь, где-бы отдохнуть, а они, суконные сыны, собранье за собраньем шпарют, ровно перебесились... Политика... И сколько она этого глупого народу перепортила—беды... Пей, соколы.

Ванька воткнул в Федотыча тяжелый гляд:

Ах, Федочч, рыжа голова. Из старой команды остался кто?

Есть, Есть...

Ефимка подлец, сигнальщик Лаврушка, шкипер Лексей Фонасич, коком все Алешка Костылев, да теперь, слышно, на берег его списывают за хорошие дела.

Живут-то как?
Ефимка стервец в ячейку подался, а
эти вола валяют: дела ни делают и
от дела ни бегают... Так яйца окола-
чивают.

Бодман по старой привычке поймал горсть мух, выжал в
стакан, долил горячим и уркнул одним дыхом. На стер-
жне заиграли сердца блестя

Ни подфартит, так всей коллегией
гайда в Уманьщину гулять...

Натуральная
воля и простор широких горизонтов
Старик в скул:

Нет, годки, я свое отгулял: убежало
мое времячко, на конях ни заворотишь... Судьба, верно, мне сдохнуть
тут...

Завей
слезу веревочкой... Ноги запляшут...

Мишка, захлебываясь пьяной икотой, оживлял в памяти
переплутые радости:

Жизня дороже дорогова. Пьянку мы
пили как лошади. Денег бугры. За-
летишь в хутор—разливное море:
стрель, крик, вуй, кровь, драка. Хаты
в огне. Хутор в огне. Сердце в огне.
Цапай хохлушку любую, на выбор,
и всю ночь ей восхищайся...

И сахар
и калач?

Уу, ни накажи бог.

Церковь
увидишь и счас снарядом по башке
щелк. Да, церкви мы били как бу-
тылки...

Вперед жизни бежали... Так
бежали: чоботы с ног сваливались

Ой, яблочко,
Да с лысточками
Иде Махно
Тай з сыночками...

Дробно чечетку рванул. Замахал руками старик, зашипел
Тишша... На грех старпом услышит—
загрызет.

Качали мы ево.

Какой-ни-
будь интеллигент из деревенской
жизни...

Федоч задымился:

Нну, нет. Он хоть и ни горловой, а
в службе строгость обожает: дисци-
плинка у них на ять. Камсалисты по-
нятно крупа-крупой и в работах еще
не совсем сручны... Но счас уж кой-
кому из стариков пить дадут... Хванц...
Ругаться им по декрету ни полагается,
это зря: без ругани какой моряк?
Слякоть одна.

Ну и ну, да луку мешок.

Зашло наше за ваше.

Сидели Мишка с Ванькой на столе, и все в них и на них
играло, плясало. Плясали, металась глаза. Дергались
вертляво головы. Прыгали плечи. Скакали пальцы в бе-
шеном галопе. Трепыхались крылья. Убегали и сколь-
зили копыта, в судороге смеялись, радовались, едко
сердились горячие губы. Торпливо ползали юркие уши.
Зудкая ловкость, узловатая хваткость, разбитые в—нет
ботинки, вихрастые лохмы, язык в жарком вьюхре... Все
в них и на них орало:

Скорей!

Скорей!

Даешь!

Старик свое дугой выгибает:

Как-то с весны ходили мы в море
котлы пробовать. Ночь накрыла, буря

ударила. Закачало, заурепало нас. Авралаила молодежь. Ребятчи руки, а было чему подивиться—клещи. Бегали по команде, ровно гайки по нарезу... Годик-другой и морячки из них выйдут за первый сорт.

Безпокойно зашебутились дружки:

Заткнись, за лычком тянешься.

Крутись

ни крутись—в комисары не выпрыгнешь...

Закостерился боцман:

Растуды вашу суды вашу... Чево хорохоритесь? Я вам ни подвластный—не испугался.

А мы тебе жлобье штоль?

Нашел чудаков

Ванька нацелился и метнул бутылкой старину в лысину. Мишка заржал и в сон, как в теплое тухлое озеро.

5

В ЛЯГАВКЕ

В это-же время в заплеванном милицейском раене просыпался дежурный, позевывал скучающий Фома и азартно сморкался хозяин лавки. Сочувственно всхлипывало перо. Сломанный сон дежурного обвис на грузных щеках, на мокрых губах. Просоньем засалились очи карие, очи жгучие. Голос затекший:

Так двое?

При каждом вопросе хозяин торопливо встряхивал облезлые глаза

Двое, товарищ, двое...

Словы Фомы шары чугунные:

Абы двое, абы десетяро—скрозь стен не видно.....

Ночь в окне. За перегородкой сладкий всхрап переливами. Мильтоны захлебывались позевотой. Старика слеза заливала:

Усы черные, через щеку рubeц...

Шоворлюсил старик—дежурный спал. Кончал старик говорить—дежурный просыпался:

Так двое?

Двое, товарищ, двое...

Будто, ка-

жись, двое, а можа цела шайка...

Писарь сопел. Старик сопел. Сопело перо. Фома барахтался в дремоте, спал: носом подсвистывал, ухом слушал... Напрасные старанья, ложились-бы они все спать: ни такие Мишка с Ванькой ребята, штоб на всяком пу-стяковом деле засыпаться—ни шпанка в сам деле...

6

КОГТИ СОРВАННЫЕ

Из койки боцман вывалился в обычный утренний обход. Легким шагом топтал кубрик жилую палубу: на все кидал зоркий хозяйский глаз. Проверил вахту. Зевнул сонь утреннюю, мелким крестом захомутлял волосатый рот и к портному Ефимке за утюгом. Умывался с душистым мылом. Старательно утюжил брюки: к капитану (А по советски—к командиру)—собирался. Ванька валяется на полу. Поднял Ванька хриплую голову:

Брось... Кха-кха...—до дыр протрешь...

Достал-бы ты лучше опохмельки.

И Мишка из-под стола голос подал:

Растурился-бы капуста кислой иль разсолу... Истинный господь, кирпич в горло ни лезет...

В двенадцать, с ударом последней склянки, втроем в капитанскую каюту: Федочк деревянный и строгий, Мишка с Ванькой—виноватые, опухшие, мятые: ровно какое чудище жевало жевало да и выплюнуло их. Капитан с кистью. Лоскут полотна размалеванного: море, скалы,

облака. Наклонит капитан голову на бок: поглядит поглядит—мазнет слегка. На другой бок голову перевалит, глаз прищурит—опять мазнет...: Забавник. Шея—труба дымогарная. Ноги—тумбы. Лапы—лопасти. Пальцы узлы. Спина кражистая. Хороший капитан: старинной выварки. Якорь. На ботмана по привычке утробно рыкнул

Ну?

Федотч шагнул с левой. Мишка с Ванькой глазом подкинули капитана и ни полслова ни сказали, а подумали одно: ежели топить—большой камень нужен... Вспомнился семнадцатый годочек: скоко смеху было...

Ну?

Мы, Вихтор Митрич...

Подожди.

Видишь, я занят.

На стене вожди, модель корабля, гитара на шелковой черной ленте. К стене прилип затылком трюмный механик Черемисов: Жидкие ножки подрыгивают, сосет сигарку, пожалованную с а м и м, рыбий глаз на картину косит:

Недурственно знаете. Ей богу недурственно. Перелив тонов и гармония красок эдак удачно схвачена, знаете...

Капитан задним ходом на середину каюты. Картинно откидывает могучий корпус и прищуривается

Дорогой мой, а не кажется-ли вам, что эти камни кричат?...

Бесстрашный ботман попятился. Черемисов прокашливается, давится словами:

Камни?... Да, как будто, действительно того...

Ванька шаг вперед:

Разрешите... Чаек у вас нет. А без чайки море не в море. На озере, и то утки, например...

Капитан грозно хмурится, светлеет, раскатисто хохочет и хлопает Ваньку по тощему брюху

Правильно. Люблю здоровую критику. Очень верное замечанье... Ты кто такой?...

Федотч

Мы, Вихтор Митрич...

Утакали. Удакали. С'етажили дела по хорошему. Из каюты вывалились в богатых чинах: Ванька баталер, Мишка кок. По палубе комиссар. Дружки колесом на него:

Даешь робу, товарищ комиссар.

Рваны драны,

товарищ комиссар...

Ванька вывернул ногу в разбитом ботинке. Мишка под носом комиссара перетряхнул изодранную в клочья фуфайку

Полюбуйтесь, товарищ комиссар...

А ко-

торы в тылу, сучий их рот...

Комиссар бочком—бочком да мимо

Доложите рапортом личсекретарю, он мне доложит...

Какая такая рапорты?—

Перевод бумаги...

Дело чистое, това-

рищ комиссар: дыра на робе всю робу угробит

Братухи дорогу загородили—комиссару ни взад ни вперед. Поморщился комиссар шаря по карманам пенсне. Ни крику ни моря он не любил и был прислан во флот по разверстке. Тонконогий комиссар и шея гусяная, а грива густая; драки на две хватит

Извините, товарищи, аттестаты у вас имеются?

Вот аттестаты—

засучил Мишка штанину, показывая зарубцованные раны—белогвардейская работа.

Ванька из глубоких карманов целую пачку разноцветных мандатов, удостоверений, справок. Из'ясняться на штатском языке, по понятиям дружков, было верхом глупости и, стараясь попасть в тон вежливаго комиссара, Ванька заговорил языком какого-нибудь совслужа

Пожалуйста читайте, товарищ комиссар, будьте конкретны... Ради бога, в конце концов, сделайте такое любезное одолжение... Будьте добры, извините...

Робу выцарапали.

Клеши с четверга в работу взяли: уж их и отпаривали, и вытягивали, и утюжили, и подклеивали, и прессовали—чего-чего с ними ни делали... Но к воскресенью клеши были безусловно готовы. Разоделись дружки на ять. Причесочки приспустили а-ля-шала. Усики заманчивые подкрутили. Заложили по маленькой
Давай развлеченья искать.

Давай.

По кудрявому по бульварчику. Взад назад, туда сюда. Семячки плюют. К девкам яро заедаются
Эй, Машка, пятки-то сзади...

Тетенька, ты ни с баржи, а то на, вот, меня за якорь поддержи...

Конфузятся девки:

Тыфу, кобели.

Черти сапаты.

Псы, пра, псы.

Ванька волчком под пеструю бабу. Сзади вздернул юбку, плюнул. Баба безусловно в крик

Имеешь-ли право?..

И так матюкнулась—Ваньку аж покачнуло. Мишка с Ванькой на скамейке от смеху ломаются

Ха ха ха ха

Го го го го го го го го...

Весело на бульварчике. В ветре электрические лапы раскачиваются. На эстраде песенки поют. Музыка пылит. Девочки стадами. Пенится бульварчик кружевом да смехом. А дружкам, ах не весело. С чего-бы такое? Мотались туда и туда. Папироски жгли. На знакомую луну поглядывали: вечер насунул

Агашенька...

Ципочка...

Ни слышит АГАШКА ГОЛА ГОЛЯШКА—мимо топают. Шляпка фасон Вера. Юбочка клеш. Пояском лаковым перетянута. Беget каблучками стучит, тузом вертит... Ох ты, стерва... Догнали Агашку. Под ручки взяли. Близко—близко в личико пухлое заглянули

Знаваться стала?

Иль денег много накопила—рыло в сторону веротить?

Ничего

подобного—одна ваша фантазия...

Купили ей цветков. Красных и синих всяких. Цена им сто тыщ—Ванька швыркнул в рыло торговцу десять лимонов и сдачи ни требовал: пользуйся, собака, грызи орехи каленые... Агашка гладит букет, ровно котенка
И зачем эти глупости, Иван Степаныч? Лучше-б пиченьев купили...

Дура, нюхай—цвет лица лучше будет: цветы с дерева любей.

Агашка сияла красотой, но печальная была. Пудренный носик в цветки и плечиком дернула

И чего музыка играть перестала?..

Гуляли гуляли—надоело. Как волки овцу, тащут Агашку под кусты, уговаривают

Брось ломаться

Ни расколишься: чай не из глины сляпана, брось...

И опять-же мы тебя любим. А ты то нас любишь-ли?

Щерится на бравых морячков, ровно коза на овес. Поджала губки крашенные. Клеш между прочим замечательный, даром что ночью и то превосходный клеш: ах, мять ни хочется... А моряки красивы сами собою и им от роду только...

Любить люблю, а боюсь: двое вас...
Тащили
Двое? Што такое двое? Ты, Агашка,
волокиту ни разводи...

Люблю—люблю,
а ни какво толку нет от твоей любви...

И Мишка подсказал:

Это ни любовь—одна мотивировка

На корабль ворочались поздно. Пьяная ночь вязко плелась нога за ногу. Окаянную луну тащила на загорбке в мешке облачном. Дружков шатало, мотало, подмывало. Ноги как вывихнутые: вихлить вихлить—раз на протувар да раз мимо. Травили собак. Рвали звонки у дверей. Повалили дощатый забор. Попробовали трамвай с рельс сосунуть. Ввалились в аптеку

Будьте любезны, ради бога, мази от вшей

Таращит аптека заспанные глаза:

Вам на сколько?

Мишка, на сколько нам?...

Штук на двести. Ха ха ха ха

С ревом на улицу. Мишка Ванька, Ванька Мишка разговорец плели... Ванька в Мишку, Мишку в Ваньку огрызками слов

Женюсь на Агашке... Токо больно тощая стерва—мослы одне.

Валяй. Нам ни до горячаго—только бы ноги корячила.

Она торговать—я деньги считать.

В случай чево и стукнуть можно: разы раз и голову под крыло.

Куда куски, куда милостинки...

Службу по боку. Шляпу на ухо. Тресточку в зубы и джа-джа-живала... На башку духов пузырек.

Под горло собачью радость. Лихача за бороду.

Гуляй, мальй...

Собачья радость—галстух. Агашка, у Агашки лавка галантерейная в порту...

7

КАМСА

В железном цвету кораблюшко, в сером гримыхе, сытом лоске бока. Шерингами железные груди кают. Углем жадные рты люков. И так и так заклепками устегано на глухо. Одних клапанов десять тысяч—все заномерованы: каждый винт в корабле на учете. Со свету до черна по палубе беготня крикотня. С ночи до ночи гулковался кораблюха. В широком ветре железные жилы вантов, шкотов, гитовых: гуууу юууу. Рангоут под железо. В захлеб бормотливой болтовне турбин буль уль уль пульк ульх: жидкаго железа прибой. Дубовым отваром, смолкой хваченая оснастка задором вихревым стремительно еверх, в стороны водопадов: по крыльям мачт хлесть хлесть, Утречка вымя теплое вязкое. Кубрик в жарком храпе. Молочный сонный рот хлябло: пц'я... В стыке губ парная слюня—по пушистой разгасившейся щеке. Прикурнуло румяное сердце, воркует голубем. Мертвецки пьян молодой сон. А железное кораблево сердце в железном бое в сердитом урке. В медный лоб солнца, в уши моряков бьет дудливой стаей железных:

Зу зу зу зу зу зу ууу... Зу зу зу зу зу зу ууууу... Побудка. По кубрику и рядам спящим Федотыч, вахнач, старшины и иного званья люди с свистками, дудками, с крикоровом, с моряцкой крепкой молитовкой, роено с крестным ходом

Вставить койки вязать!

братва!

Поднимайсь,

Э-ей молодчики!

Вставить койки

вязать!..

Слаще поцелуя сонь утренняя—не оторваться. Из-под казенных шинельных одеял льет бьет крепкий дух теплых молодых тел. Недовольные глаза сердито в начальство. Бормот под нос:

Шас ша...

Разинули хлебалы-то...

Рано—

и чо бузыкать безо время?...

В позевотину. В одеяло. В храп.—Это те самые разговорчики, которые... И вторым ходом шел Федотыч с свитой — с шумом, руганью и свирепыми причитаньями. Шутка-ли сказать, двенадцать годков боцманил старик: к лаю приохотился ровно поп к акафистам. От самого последнего салаженка до боцмана на практике всю службу до тонкости произошел. Каждому моряку с одного взгляду цену знал. Крик из него волной, а до чего прост да мягок старик и сказать нельзя... Вторым ходом шел, стегал руганью больнее плети:

Встава-а-а-ать...

Время в обрез. Вскакивают ребята почесываясь. Койки шнуруют. Койки в бортовые гнезда: у каждого свой номер. В штаны. Пятки градом. В умывальнике фырк харк. Краснобаи рассказывают никогда не виденные сны. Здесь же на ходу сговор о работе...

Кипяток готов!..

Есть!

Котелки, бачки, кружки, сухари ржаные, сахару горсть на целую артель. И только губы в кружку макнешь—сигнал на справку: чавкать некогда, все бросай, пулей лети на верх: прав Федочч—раньше надо вставить. Пятки дробью: через полминуты по бортам в нитку вытянуты ширинги

Варасов?

Есть!

Викторов?

Есть!

Чурилин?

Есть!

Славнин?

Есть!

Рожков?

Есть!

Есть! Есть! Есть! Есть!

Капитан с полуюта отзывает Федотыча от строя и морщится—ругань слышал капитан

Воздерживайся, старик... Приказ— строго Есть—

—это в счет дисциплины, а самого мутит: долго пыхтит, сопит загогулистой трубкой в смысле несогласия Ну?..

Горячую трубку в карман. Руки по форме. В просмолку словам устало качает головой:

Декрет декретом, Вихтор Митрич, а при нашем положении без крепкого слова никак невозможно.. И то сказать: слово ни линек—им не зашибешь... Так только, глотку пощекотать...

Капитан в свое время тоже ругаться не любил. Сумрачный отвертывается. Ломаются брови, ломаются углы крепко сжатого рта. Говорит с откусом капитан: форменная качка, не иначе. Федочч знает своего хозяина до тонкости, до последнего градуса... Сейчас будет вздрайка...

Службу забыл, а еще старый боцман. Вышибалой тебе в бардаке быть, а ни боцманом военного судна. Команду распустил. Безобразие. Ты и за своих людей мне ответишь...

Есть—

Федочч мелким мигом смаргивает. Капитан-то Вихтор Митрич тяжеленько вздохнул, ровно море переплыл, да и давай-давай чесать:

: В строю стоять ни умеют. Подтянуть. Первую ширингу левого борта на два дня без берега.

: На полубаке вечером песню пели—
Нелюдимо наше море. Запретить.
Море загадочно и таинственно—ни
следует навлекать гнев его дурац-
кими песнями.

: Самовольная отлучка с корабля ру-
левых Ключева и Рытова. Неделю
без берегу и по пяти нарядов. По-
чему проглядел вахтенный начальник?
расследовать и привлечь. Подробно-
ности доложить через полчаса лично.
: Вчера, после вечерней окатки па-
лубы, плохо протерты колпаки вин-
тиляторов: блеску должного нет. Не
до пу стимо... Виновных наказать по
своему усмотрению Понятно?...

Есть.—

—через левое плечо Федочк да ходу—приказ сполнять.

С а м вернул его

Постой... Погоди.

Тяжелый как падающая волна капитан невидящим взглядом
режет шерингу молодых, черепичные вершинки домов,
полощется в оглохших просторах... Коротким густым
хлопком полоскал боцмана, жадно вгляделся в его без-
смысленно-вытаращенное лицо, пусто отвернулся и рас-
совал слова—гири:

Относительно ругани ты, боцман,
безусловно прав. У меня у самого
язык саднит... А все-же удержи-
вайся. Да.

Капитан густо вздохнул. Федотч вздохнул:

Ничего не попишешь, Вихтор Мит-
рич... Баааальшущий шторм идет —
надо держаться. Да. Дуют новые
ветра. Ничего не попишешь, старик.
Надо держаться.

Широкой ровной волной, буй порывами хлестали новые
ветра... Играли ветрили новые веселые ветра...

На мостике СТАРПОМ. Маленький, визгливый, цепкий,
козенок. Брось в тысячную толпу—сразу узнаешь: воен-
ный. Одна выправка чего стоит? Посадка головы? Кор-
пус? Орел. Привычка кричать с юнкерского осталась.
Старпом сердит: вчера спуск флага, вместо обычных 6,
отнял 30 секунд. Позор. Черт знает что. Скоты. Стар-
пом угнетен, старпом удручен: он любит точность и свой
корабль. Плохо спал, да завтрака ни дотронулся: в чув-
ствах расстройка. Перегнулся с мостика, кричит на по-
лубак: в визге злость жгет

Ни плевать!

На борту не виснуть!

Ходи

веселей!

Назаренко, два наряда...

На полубаке, на брезенте (штоб палубу ни вывозили)
жарко разметались кочегары—только с вахты сменились:
черные, головяшки. Одни зубы сверкают. Солнце лижет
кочегаров. Ветер продувает легкие. С мрачным весельем
поглядывают на мостик

Лайлай, зарабатывай Советский хлеб...

Злой что-то нынче.

Он добрым ни

когда не был.

Держись палубные —

загоняет.

И чего сука орать любит?

Дворянин...

Аль не видал анкету-то?

Ааа.

Оно и

похоже.

Через весь корабль гремит, катится команда
Третьи и седьмые номера, стройсь
не левых шканцах!..

Выходиии!..

Треть,

седьмые номера, на лев шканцы!..

Шевелись!

Подбирай пятки!..

Третью, седьмые номера...

Бегут боцмана и старшины: разводка по работам.

Солнце на ногах. Команда на ногах. Верхом на корабле. Вперегоньшки швабры, метелки, голики. Плещется песок, опилки. Веселое море опрокидывается на палубу, заливают кубрик. Глотки котлов отхаркиваются корками накипи. Топки фыркают перегаром: зернистой угольной золой. Всхлипывают турбины. Гремят лебедки, опрокидывая кадки шлаку в бортовые горловины. Крик дождем. Руг градом. Работа ливнем

Давай давай...

Солнце горячими крыльями бьется в мокрую палубу, щечочет грязные пятки, смехом кувырывается в надраенной до жару медной арматуре, поручнях. Руки ребячьи, а хваткие—артельные. Глаза—паруса, налитые ветрами. Глотка у Федотыча луженая:

Живо, молодчики

Бегай бегай

Еей по-

торапливайся... Брыкин, бегооом...—

—глядеть тошно, когда это в самую горячку какой-нибудь раззява шагом идет и брюхо распустит, ровно на прогулке: башку оторвать сукиному сыну—службу не любит

Бегaaaaай

Такое у Федочка занятие: ни кому из команды ни минуты покою ни дать, всем дело найти. Гонять и гонять, чтоб из рыхлого людского месива настоящих моряков сделать—на то он и старший боцман. Старпом говаривал частенько, что не худо-бы моряку все слова забыть и запомнить только одно: ЕСТЬ.

Ходи веселей...

Пищат аппараты в радио рубке: принимают Париж-Лондон. На мостике в проворных руках плещутся пестрые сигнальные флажки. А в машинном отделении под приглядом спецов ребята моторы перебирают...

Шлюпки на рейде, в голубом плеске — гребное ученье. Размеренно падают весла, откидываются гребцы.

Обе табань

Суши весла

Шабаш

Весла

По разделениям. Ни спешу.

На во-ду. Раз два...

Раз два...

На-вались...

Обе табань.

Запевай..

Загребные заводят:

Во тече течет река а а а а

С речки дооо по то ка

А за де е е евицей матрос

Гонится аааа да ле ко.

И все одной глоткой:

Ии эй матросы удалцы

Живо Веселее

Живо Живо Веселей

Живо Живо Живо

Море качелится. Песня качелится. Качелятся блестящие крики чаек.

Год прошел и дочь иде о о оот

К матери и и и уны ло

На рука а а ах у ней лежит

Матросе еееенок ми лый... Иии! Эй!

Зу! зу! зу! зу!... Зу! Зу! зуу!..
На купанье. Команда по борту. Федотч бодрит лево-фланговых.

Гляди ни робей. Воды ни боятся —
ни огонь Казенное брюхо береги:
снорови головой, руками вперед

Знаем

Есть, товарищ боцман

Боцман руку на отлет

Сми и и ир р р на

Шеринга замерзла

Делай—раз

Рубахи на палубу.

Два.

На палубе штапы.

Три.

Пятки за борт. В пене, в брызгах сбитые загаром тела.

Горячие брызги глаз. Пенной, брызгами крики:

Го го го го го го о о

На борту Федочч смешно и кургузо машет руками, кричит: его никто не слушает.

Го го го го го о о о о о

Обед. В супу редкая дробь круп, ребра селедочки. На второе по ложке пшена. Выручают все те-же ржаные сухари

Ладно

Ладит, да не дудит

Уу, в бога мать.

Закроев, ты же в комиссии по борьбе с руганью.

Ха ха ха.

А ну их, туды

растуды

Поговорят так-то да и ладно. А в послеобеденный час отдыха или вечером набьются в красный уголок: потрошат газеты библиотекаря и буржуазию всего мира. На полуюте кольца, гантели, русско-французская. Заливаются балалайки. Ревет хорошей... Динь-ом... Динь-ом... Зацветают корабли огнями. Спать полагается семь часов и ни минуты больше. Завтра ровно в шесть боцман всех поднимет. Ночью в кубриках и по палубе молодые моряки мечутся во сне, сонно бормочут:

Эжктора... Трубопроводы... Клапаны... Товарищи градусы... Магнитное поле... Моторы... Контр-гайка...

8

НИ ПОДУМАТЬ ПЛОХОЕ

Ходовые, деловые Мишка с Ванькой: ни шпана какая-нибудь. Широкой программы ребятки. Оторвыши разинские: верно. И отчаянность обожают: тоже верно. Матрос. Слово одно чего стоит—надо фасон держать. Да и то сказать—бывало, отчаянность ни ставилась в укор: все прикрывал НАГАН и СЛОВО простое, как буханка хлеба, и горячее, как язык огня. Это в наше рас..... времячко ТЕЛЯЧЬЯ КРОТОСТЬ в почете. В почете АРШИН, РУБЬ, ДА ЯЗЫК С ЛОКОТЬ: никогда никогда ни понять этого Мишке с Ванькой—ни на тех дрожжах они заквашены. Бывало... Эх, говорено, говорено, да и брошено. Бывало и в Мишке с Ванькой ревели ураганы. И через них хлестали взмыленные дни. Не жизнь—клюковка, по муслу сусло—язык проглонишь Леса роняли

Реки огненные перемахывали

Горы гайбали

Грома ломали

Облака топтали

Вот они какея: ни подумать плохова. Ни теперь, давно—в Мишкиной груди, в Ванькиной груди, как цепная собака по двору, метался баальшуший бог... Клыкастый бог—красногвардейский. С ним и авралить любо. Никакие страхи ни страшны. ДАЕШЬ и: гвоздь.

Гайдамака в штыки

Буржуй? Дух з тебя вон

Петлюру в петлю

На Оренбург падай бурей

По Заказанью грозой

Волгой волком

Урал на ура

Ураган на рога

Дворцы на ветер.

Шумели, плескались реки огненные. Шумела сила тягловая: Дымились сердца косматые. Цвела земля волнами

Сади!

Гвозди!

Рвись в лоскутья! Колись
в куски!

Шире круг!

Давай давай!

Раскаленную до красна печку пинком за дверь
Сыпь!

Все про-
пьем, гармонь оставим и блядей
плясать заставим...

Ноги пляшут. Теплушки пляшут. Степя пляшут... В боло-
тах тихой зелени стоячие полустанки, затканые садоч-
ками. В окошечках цветочки, занавесочки марлевые
(Чтоб комары ни кусали), тухлые сытые рожи в око-
шечках

Почему такое?

В кровь в гроб с
перевертом!
Бей!

Бух Бух Знь зянь Бух бух Длян-длян-нь-длян-нь...
Машина: Ду дуду у у ду. Поехали запылили. Машини-
сту браунинг в пузо

Гони без останову

Куда?

Куда глаза
глядят. Гони и гони: только в тупик
ни залети

Слушаюсь

Полный ход

Котлы по-
лопаются.

Крой, чего на сколько хватит

Подшипни-
ки перегреются

Полный ход: душа
вон и лапти кверху

Есть

Рви! Полный!

Та та та... Та та та... Та та та...

Та та та... Та та та... Та та та...

Ш пш ш пш ш пш шш ш ш...

Та та та... Та та та... Та та та...

Да да да... Да да да... Да да да...

Паровоз в храпе. Паровоз в мыле. Пыль пылом

Гони. Бабу дадим. Напоим

Тяжелые ветра пылали, густо плескались, Пылали, пле-
скались зноем травы. Поезда бежали, зарывались в горы.
С разбегу пробивали туннеля. Табунами бродили пожары.
Бежали сизые, полынные степя. Дороги половодьем
шумели. Вытапывая города и села, крестами бежали
красные, белые, серые, черные, зеленые. Кованые горы
бежали, дыбились, клещились. Бежали, как звери густо-
шерстые тучи, хвостами мутили игравшие реки. Парти-
заны бежали, падали, бежали. Плевались тресками, гро-
мами, бухами, хохом, ругом. Залпами расстреливали, бро-
сками бросали наливные зерна дней. Всяко бывало, и
гожее и негожее—всего по коробу. Жизнь сказать: ни дна,
ни берегов... Сдыхал бог, и каждому по два тавра
выжег:

ОТЧАЯННОСТЬ и НЕЗЕВАЙ

Все бывалошное-то уплыло, сгнуло, будто и не было
ничего. Мишка с Ванькой приплясывая своим шляхом
бежали, одним крестом крестились, одной молитовкой
молились:

Незевай—

—а больше и не было ничего. Не взвидать красного
солнышка—не было и не было...

В корабле как? Шаля-валя. Нога за ногу. По тихо-легон-
ечку жили поживали. Котел да баталерка—костер. Опять
и заповедь подходящая: гребь деньгу лопатой. И очень
даже просто: отсобачил кусок и в кусты. Да ведь и то
сказать: до кого не доведись—как можно муку таскать
да в муке не испачкаться? Чево тут косоротиться—гово-
рить надо прямо:

Дело идет, контора пишет. Дружки
денежки гребут

Деньги родник, одевка грубая, а поди-ж ты: ни ка-
жется Мишке с Ванькой жизнь кораблиная. Корявая
жизнь: ячейки разные одолели. Школы. Какая-то хуль-
комиссии. Закружили кружки. Што ни день, што ни час,
как из прорвы собранья, заседанья, лекции, доклады и
все об одном и том-же:

Мы товарищи, да вы товарищи...

—больше и ни поймешь ничего, ни в какую. Мишка с
Ванькой до комиссара:

Так и так, товарищ комисар

Как мы
есть сознательный элемент, товарищ
комисар, просим от разной политики
ослосбодить.

Комисар и рыло в сторону. Сучья отравя—ни погулять
тебе, ни што. Да и с крупной из-за всяких таких делов
походя схватки. Первый шухор из-за пустяка слился:
член какой-то комиссии в умывальне зубы чистил. Мишка
щелчком сшиб в раковину зубной порошок

Дамское занятие—

—и пошел. А разобиженный паренек и зыкни в догонку:

Ни больно швыряйся, уховерт

Што будет?

—обернулся Мишка через плечо:

Ты, паценок, ни побей кой грех.

А что,

Думашь, на твою харю и кулака ни
найдется?

Мишке обидно показалось. Обернулся да в ухо

Гнида, счас от тебя одну копию
оставлю.

Хлопчик с копыт долой—со смеху покатился. Вскочил.
Сладить ни сладить, а кинулся на Мишку. Тот еще раз
сунул его. Сцепились ни разнять. Да случись к разу
дюжий кочегар Коська Рябой, сгреб члена какой-то ко-
миссии в охапку да за борт—только этим и розняли. В тот
день собранье знач общее: Мишку судить рядить. Почему

такое суд? Разговор один и больше ничего. Черные
Мишкины брови на лоб лезли от удивления:

Какое дело?.. Ну, ударил... Тычка
боятся—жить на свете ни надо.

И Ванька голос подал

Какое-же это избиение, и хлестнул
только раз: всево ничево...

Два зуба

вышиб

Мишка виновато качнул лохматой башкой

Рука у меня чижолая...

Фитильнули Мишке строгый выговор, а ему хоть-бы
хны... Об обедах и говорить нечего. Кому из своих за-
черпнет Мишка из котла и в проворот—хоть ложку в
бачек втыкай. Молодым голой воды плеснет. Сядут ре-
бата над бачком—фыркают берега не видать. Мишку
похваляют

От стервец. Накрыть его в темную...

Или

бачок с горячими щами на башку
надеть.

Чумные ребята. От голодной тоски в строю валились—
глаза под лоб. А Мишка верхом на котле. Посмеивается
Мишка

Собранья у вас с утра до ночи и
разговоров многа, а жрать ни хрена.
Воды, верно, вдоволь. В море воды
хватит. Кают кампании опять разве-
лись. Начальников полный комплект...
Слыхано-ли, што-б моряк голодал?..
В бога мать... Заходи в любой дом,
вытряхай буржуя из штанов, рви
глотки начальникам... Эх, ячеишны
вы моряки, пропадете, как гниды...

ХВОСТ

Гром упал. Подходящее житышко вдребезги. Мишка с Ванькой за чубы

Завалились?

Какая данные?

Так и так.

Ага.

Угу

Вылезла КОМИССИЯ по очистке от элементов. И сразу, ни говоря худого слова, Мишку за жо:

Ваша специальность?

Комисар Драгомиловского района великой Октябрьской революции.

То-есть?

Ни то-есть, а истинный борец за свободу,—борец без всякого недоумения, на что и могу представить свидетелей. Ваше занятие на корабле?

Какое у нас может быть занятие—в настоящий, текущий момент кок. В семнадцатом ривалюцию завинчивали, офицеров топили, был я тоже членом в судовом комитете, а возносясь еще дальше полгода состоял я вестовым. Тээкс...

Переглянулась стерва комиссия

Бурилин, придется вас списать с корабля... Уставший элемент—раз, специальность малая—два...

Понимаем.

Отслужили. Понимаем.

Ваньку за жабры

Ваша специия?

Глазом ни моргнул Ванька:

Электрик и трюмный машинист.

Что знаете о водоотливной системе?

Ничего ни знаю.

Каково назначение кингстонов?

Мммм... Твердо ни помню.

Перемигнулась стерва комиссия, и ну опять, ровно неразведенной пилой:

Представьте: в главной магистральной цепи освещения сгорела ответвительная коробка—как исправить?

Вспотел парнюга. Ни в свою зашел, как говорится

И к чему вся эта буза, товарищи?

Ни могу спокойно переносить, товарищи... Мое существо тяготится переполнотою технических и политических оборотов... Ааах в бога господу мать...

Схватила Ваньку кондрашка: покатился парень. Бьется Ванька об пол головой, пена изо рта. Придерживают его Федочч да Мишка.

Псих.

В натуре.

И зачем человека терзать? Здоровье его в болезненном виде...

На другое утро раздетые и разутые, с тощими мешками на горбах, уходили Мишка с Ванькой. С трапа обернулись, в последний раз любовно оглядели корабль и в молодую команду выстроенную на палубе, глаз занозой

Ууу, крупа...

Ваньку Грамофона и Мишку Крокодила провожали загорелые глаза. В глазах мчались новые ветра и пересыпалось молодое солнце.

Объяснение малопонятных слов

- Клево—хорошо.
Кока за свисток—повара за горло (взять).
Майна брашпиль—бросай якорь.
Кобылка—презрительное название рядовых.
По хазам мазать—налеты на квартиры.
Несгорушка—несгораемый денежный шкаф.
Аврал—общая работа на корабле.
Стремь—гляди, стереги.
Шемоняй—шарь.
Пес—милицейский.
Вира брашпиль—поднимай якорь.
Волчок, свечка—часовой, караульный.
Ряжка—рожа.
Мосол, козонок—солдат, матрос.
Вахнач—вахтенный начальник.
Тралить—заставлять, городить, напр. тралят минами известный участок моря.
Дуван дуванить—делить добычу.
Ботай—болтай.
Полундра—берегись.
Галюн—уборная.
Отсеки—непроходимые перегородки, которым разделена внутренность корабля.
Старпом—старший помощник командира.
Лягавка—милицейский или уголовный участок.
Баталер—каптенармус, раздатчик продуктов. Есть и вещевые баталеры.
Полуют—верхняя палуба, возвышение над палубой в кормовой части корабля.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- ЛЕВГУР. — «История РКСМ», изд. 5-е, дополненное.
Б. ГОФМАН. — «Голодающая Германия».
А. ЧЕКИН. — «Германия на перевале».
А. МАСЛОВ. — «Очерки современной Германии».
КАНТЭР. — «Король республиканской Германии—Гуго Стиннес».
ЛИЛЕЙКИН. — «Школа-завод».
М. НЕСКЕ. — «Пролетарские дети».
ФЕРСМАН. — «Три года за полярным кругом».
Б. и В. ИВАНТЕР. — «Комсомольский театр», сборник пьес.
«ПОД ЗНАКОМ КОМСОМОЛА». — Литер. альманах, вып. 2-й.
«ЗЕМЛЯ ЗАЖГЛАСЬ».
МЕБЕЛЬ. — «Юношеский труд».
ЧУЙКОВ. — «Вершинная быль», повесть.
И. РАХИЛЮ. — Сборник рассказов.
ВОЛЖСКИЙ. — «Дурман».
ШУБИН. — «Разведка».
« — «Жкунько» и др. рассказы.
« — «Молодняк».
А. КОСТЕРИН. — «Восемнадцатый годочек».
МАРК КОЛОСОВ. — «Тринадцать», рассказ.
М. ГОЛОДНЫЙ. — «Сборник стихов».
Н. КУЗНЕЦОВ. — «Сборник стихов».
П. А. РЫМКЕВИЧ. — «Труд и техника».
А. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ. — «Линев».
ГЕРАСИМОВ. — «Маленькие рабы».
«МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ». — Альманах.
В. КОРИНСКИЙ. — «Недорисованный портрет».
СУББОТИН. — «Кабала».
С. ТРЕТЬЯКОВ. — «Октябrevичи». Стихи.
ДЖ. ЛОНДОН. — «Торжество правосудия».
Б. РУССО. — «Шашки».
«ЧТО В ГЕРМАНИИ». — Сборник в помощь избам-читальням и деревенским клубам для вечеров и читок.